

новѣйшихъ историковъ, затрогивается вопросъ о вліяніи іудеевъ и арабовъ и намѣчаются теченія и интересы, сплетавшіеся въ иконоборческомъ движеніи; въ третьей—идеть рѣчь о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Θεодора до начала его общественной дѣятельности, и въ четвертой—описывается участіе Θεодора въ спорѣ о бракѣ Константина VI и дѣятельность его до вступленія на престолъ Никифора.

Первая часть сочиненія на этомъ заканчивается.—Изъ этихъ четырехъ главъ написанными вполне являются только первая и третья, а вторая и четвертая представляютъ собою конспектъ.—Глава первая показываетъ несомнѣнно, что г. Блешенковъ перечиталъ усердно литературу источниковъ и пособій. Литература эта очень значительна и почти вся на языкахъ греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ.—Глава вторая изложена конспективно. Точка зрѣнія на иконоборческое движеніе намѣчена довольно широко. Но какъ бы автору удалось развить ее и доказать, объ этомъ судить трудно. — Глава третья написана очень хорошо, гораздо лучше, чѣмъ написанъ соотвѣтствующій отдѣлъ Thomas'омъ, авторомъ біографіи Θεодора Студита. Г. Блешенкову удалось вполне выяснитъ воздѣйствіе на Θεодора семьи и особенно матери.—Глава четвертая изложена конспективно.

Вторая часть сочиненія г. Блешенкова (стр. 69—261) состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ идетъ рѣчь о развитіи ученія объ иконопочитаніи до возведенія его на степень церковнаго догмата, а во второмъ (стр. 185 до конца) излагается ученіе Θεодора Студита объ иконопочитаніи.

Въ первомъ отдѣлѣ четыре главы. Этими главамъ предшествуетъ нѣсколько замѣчаній г. Блешенкова, во-первыхъ о постепенномъ развитіи идеи у православныхъ и иконоборцевъ, каковое обстоятельство дѣлаетъ необходимымъ обзоръ исторіи литературной полемики боровшихся сторонъ, чтобы видѣть, какое мѣсто въ этой исторіи принадлежитъ Θεодору Студиту;—а во-вторыхъ объ одной будто-бы особенноти названннй полемики, состоящей въ „діаметральной противоположности аргументаціи иконоборцевъ и иконопочитателей. Что для первыхъ мерзко, то для вторыхъ любезно и честно, что для однихъ идолопоклонство, то для другихъ признакъ истиннаго благочестія“ (стр. 71). Эта мнимая особенноти полемики православныхъ съ иконобор-

нами заставляет автора написать первую главу первого отдѣла, представляющую собою „оцѣнку доказательствъ, приводимыхъ иконопочитателями и иконоборцами“. На составленіе этой главы авторомъ потрачено много времени и усердія, но безъ должныхъ результатовъ. вмѣсто того, чтобы быть только историкомъ, авторъ здѣсь играетъ роль критика, отчего часто попадаетъ на ложный путь при оцѣнкѣ практическаго дѣйствія аргументаціи боровавшихся сторонъ.— Вторая глава первого отдѣла (стр. 94 и д.) говоритъ объ иконопочитаніи и противодѣйствіи ему до иконоборческаго собора 754 года. Матеріалъ, собранный здѣсь авторомъ, также могъ быть использованъ только въ иной группировкѣ.— Глава третья (стр. 131 и д.) говоритъ объ иконоборческомъ соборѣ 754 г. и его *бросѣ*; глава четвертая—о VII-мъ вселенскомъ соборѣ и о его опроверженіи иконоборческаго *бросѣ*.

Рѣчь обо всѣхъ этихъ предметахъ является для г. Блещенкова необходимою для того, чтобы показать задачи, стоявшія предъ Феодоромъ Студитомъ, какъ апологетомъ.

Второй отдѣлъ второй части сочиненія г. Блещенкова посвященъ изложенію системы и ученія Феодора Студита объ иконопочитаніи. Этотъ отдѣлъ содержитъ три главы, изъ коихъ первая излагаетъ взгляды Феодора на „описаніе Христа по тѣлу и изображеніе Его на иконѣ“; вторая—на „отношеніе между прообразомъ и образомъ“ и третья — на „поклоненіе иконамъ и ихъ почитаніе“. Эту послѣднюю часть сочиненія г. Блещенкова можно считать лучшею: тутъ все сдѣлано вполне научно.

Что г. Блещенковъ обратилъ главное вниманіе на вторую часть своего сочиненія, это объясняется существованіемъ очень хорошей біографіи на нѣмецкомъ языкѣ Thomas'a: авторъ хотѣлъ сдѣлать то, что еще не сдѣлано, совершенно вѣрно полагая, что біографію писать легче. Если судить по одной главѣ сочиненія г. Блещенкова, посвященной біографіи, то эта послѣдняя вышла бы удачнѣе у него, чѣмъ у названнаго нѣмецкаго ученаго.

Недостатки сочиненія г. Блещенкова почти всѣ — недостатки въ распорядкѣ матеріала, частію въ томъ, что авторъ иногда безъ нужды мѣняетъ точку зрѣнія историческую на критическую. Есть по мѣстамъ и техническіе промахи, шероховатости въ языкѣ и пр., но ихъ немного.

Но всё изъясны работы г. Блешенкова искупаются ея достоинствами. Можно поставить въ заслугу автору прежде всего то, что онъ тщательно изучилъ всё относящееся къ дѣлу источникн. Кто читалъ греческихъ писателей 8, 9 и 10 вв., тотъ знаетъ, что это значить.

Тексты говорятъ только тому, кто умѣетъ ихъ спрашивать. Г. Блешенковъ обладаетъ этимъ цѣннымъ умѣньемъ въ достаточной степени. То, что написано имъ въ параллель съ имѣющимся уже въ печати частными отдѣлами, написано лучше его предшественниковъ: точка зрѣнія автора серьезнѣе и шире.

По всемъ указаннымъ основаніямъ признаю сочиненіе г. Блешенкова весьма хорошимъ и совершенно достаточнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія“.

3) И. д. доцента Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Богословскаго Георгія*: „Нравственный смыслъ христіанскаго ученія о грѣхопаденіи прародителей и первородномъ грѣхѣ“:

„Сочиненіе г. Богословскаго не можетъ быть признано удовлетворительнымъ вслѣдствіе своей крайней несамостоятельности. Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ главъ. Глава первая—исторія ученія о грѣхѣ—въ большей своей части буквально списана съ трехъ книгъ: Тарѣва—„Искушенія Богочеловѣка“, Велтистова — „Грѣхъ, его происхожденіе, сущность и слѣдствія“ и о. Буткевича — „Зло, его сущность и происхожденіе“,—отчасти же составлена при помощи Велтистова и Буткевича; при чемъ авторъ нигдѣ ни разу не упоминаетъ своихъ дѣйствительныхъ источниковъ, цитируя Лейбница, Гегеля, Шлейермахера и т. д. — Вторая глава—о грѣхопаденіи и первородномъ грѣхѣ—въ своей существенной части составлена по книгѣ Тарѣва, при чемъ самостоятельность автора выразилась только въ выпускахъ, иногда ничтожныхъ измѣненіяхъ фразы и лишь въ немногихъ мѣстахъ въ болѣе или менѣе свободномъ переложеніи. Третья глава составлена также по Тарѣву; здѣсь авторъ, хотя почти всюду списываетъ буквально, но только отдѣльными фразами, иногда поставляя ихъ совсѣмъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ стоятъ въ книгѣ. Во второй и третьей главѣ авторъ продолжаетъ замалчивать свой главный источникъ, цитируя при этомъ Ригъ-Веду, Авесту, Лао-тзе и т. д. Страницы дѣйствительныхъ источниковъ со-

чиненія почти вездѣ указаны мною на поляхъ его. Весьма вѣроятно, что такъ-же несамостоятельна и четвертая глава. Но въ виду того, что анализъ предшествующихъ главъ достаточно выяснилъ приемы работы г. Богословскаго, я счелъ излишнимъ подвергать четвертую главу такому же изслѣдованію; притомъ же эта глава по своему виѣшнему объему составляетъ незначительную часть сочиненія (44 страницы изъ 354), а по своему содержанію (о борьбѣ христіанина со зломъ) имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ темѣ.

По указаннымъ причинамъ я не вижу возможности признать за г. Богословскимъ право на степень кандидата богословія“.

4) И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Богоявленскаго Николая*: „Аванасій, первый архіепископъ Холмогорскій и Важескій, и его дѣятельность противъ раскола“:

„Въ ряду церковно-историческихъ дѣятелей конца XVII в. весьма видное мѣсто по справедливости принадлежитъ преосв. Аванасію, „первопрестольному“ архипастырю Холмогорскому и Важескому, какъ по его личнымъ качествамъ, такъ и по участию его въ ходѣ современной церковной жизни. Одинъ изъ наиболѣе умныхъ и образованныхъ людей своего времени, умудренный книжнымъ ученіемъ и опытомъ жизни, усердный проповѣдникъ и довольно плодотворный писатель о разнообразныхъ предметахъ—отъ истолкованія псалмовъ до свѣдѣній изъ „дохтурской науки“, чловѣкъ выдающихся административныхъ способностей, обнаруженныхъ не только въ области церковнаго управленія, но и въ устроеніи гражданско-экономическихъ дѣлъ далекаго сѣвернаго края, названный іерархъ представляетъ собою крупную историческую личность, жизнь и труды которой вполне достойны усерднаго и всесторонняго изученія. Между тѣмъ, до настоящаго времени не было, можно сказать, ни одной серьезной печатной работы о немъ и его дѣятельности, кромѣ неважной журнальной статьи, напечатанной почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, нѣсколькихъ бѣглыхъ очерковъ въ различныхъ словаряхъ, да случайныхъ, мимоходомъ брошенныхъ, замѣтокъ въ историческихъ трудахъ, посвященныхъ другимъ предметамъ и лицамъ. Такая скудость печатныхъ работъ объ историческомъ дѣятелѣ столь зна-

чительномъ объясняется главнымъ образомъ малодоступностью первоисточниковъ, разбросанныхъ, преимущественно въ рукописяхъ, по разнымъ концамъ русской земли, а если и напечатанныхъ, то въ разныхъ мѣстныхъ, провинціальныхъ изданіяхъ, разыскиваніе которыхъ едва-ли не труднѣе, чѣмъ рукописей.

Сказанное даетъ возможность хотя отчасти понять, какой серьезный и нелегкій трудъ предстоялъ автору разсматриваемаго сочиненія, посвященнаго изслѣдованію жизни и трудовъ преосв. Аѳанасія и въ частности—его разносторонней и плодотворной дѣятельности противъ раскола. Тѣмъ съ большею похвалою должны мы отмѣтить находящійся предъ нами ученый трудъ и его прекрасные результаты. Съ искреннею любовью къ личности Холмогорскаго архипастыря, съ видимымъ увлеченіемъ предметомъ своего изслѣдованія, г. Богоявленскій путемъ настойчивыхъ и кропотливыхъ поисковъ собралъ нужные для него матеріалы, перерывши для этого не мало рукописей и массу печатныхъ изданій (въ томъ числѣ нѣсколько провинціальныхъ, которыхъ нѣтъ даже въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и которыя можно было достать лишь съ большимъ трудомъ, чрезъ сношенія съ мѣстными изслѣдователями) и изъ ряда мелкихъ, отрывочныхъ указаній, путемъ тщательнаго ихъ анализа и остроумныхъ сопоставленій, составилъ обширный и вполне научный трудъ, отличающійся обиліемъ фактическаго содержанія и цѣнностью основанныхъ на немъ соображеній. Придерживаясь хронологической послѣдовательности въ изображеніи жизни и дѣятельности преосвященнаго Аѳанасія, авторъ изображаетъ сперва жизнь и дѣятельность названнаго іерарха до архіепископства (гл. I, стр. 1—176), искусно восполняя недостатокъ прямыхъ документальныхъ свѣдѣній о раннихъ годахъ его жизни остроумными соображеніями, обнаруживающими основательное изученіе эпохи и относящихся къ ней историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій; говоритъ затѣмъ о дѣятельности преосв. Аѳанасія послѣ полученія имъ архіепископскаго сана до отъѣзда изъ Москвы (гл. II, стр. 177—348),—дѣятельности, выразившейся въ участіи его въ извѣстныхъ преніяхъ съ раскольниками въ Грановитой палатѣ и въ составленіи полемическаго сочиненія „Увѣтъ духовный“, из-

даннаго отъ имени патр. Іоакима; наконецъ, даетъ интересный очеркъ дѣятельности Холмогорскаго архипастыря на мѣстѣ своего служенія—до внезапной кончины (гл. III, стр. 349—546), обращая при этомъ, согласно своей прямой задачѣ, преимущественное вниманіе на борьбу его съ мѣстнымъ расколомъ. — Какъ видно изъ представленнаго краткаго содержанія разсматриваемаго труда, послѣдній представляетъ цѣльный и законченный очеркъ жизни и трудовъ первопрестольнаго пастыря Холмогорской епархіи. Правда, не все, что можетъ быть сказано о немъ на основаніи разысканныхъ авторомъ матеріаловъ, исчерпано здѣсь до конца: на слѣдъ нѣкоторыхъ источниковъ составитель изслѣдованія успѣлъ напасть только къ концу своей работы и потому не имѣлъ возможности воспользоваться ими въ должной мѣрѣ; другіе могутъ быть и доступными для изученія лишь тамъ, гдѣ они находятся. Этими обстоятельствами, въ связи съ краткосрочностью работы, объясняются, съ одной стороны, нѣкоторые пробѣлы въ изслѣдованіи или чрезмѣрная краткость излагаемыхъ свѣдѣній (напр., относительно сочиненій преосв. Аѳанасія, которымъ отведено у автора лишь обширное примѣчаніе на стр. 37—55, да еще нѣсколько страницъ во II главѣ, посвященныхъ „Увѣту“, тогда какъ обзоръ ихъ, при болѣе благопріятныхъ для автора обстоятельствахъ, могло бы составить особую главу или даже цѣлый отдѣлъ въ сочиненіи), съ другой—обиліе догадокъ и предположеній, при всей ихъ находчивости не обладающихъ, однако, убѣдительностью опредѣленныхъ документальныхъ указаній и нуждающихся, между прочимъ, въ хронологической провѣркѣ (таковы излагаемая на стр. 83—115 соображенія относительно условій, при которыхъ могъ Аѳанасій получить незаурядное для своего времени образованіе, догадка о томъ, кто могъ быть виновникомъ временнаго уклоненія его въ расколъ и т. д.). Поспѣшностью же срочной работы слѣдуетъ, повидимому, объяснить и нѣкоторые излишніи длинноты изложенія нѣкоторыхъ частныхъ, не получившихъ соразмѣрной обработки, равно какъ и то, что по мѣстамъ авторъ безъ всякой нужды говоритъ словами своихъ первоисточниковъ (напр., въ началѣ III главы, гдѣ сряду на пространствѣ почти 16 страницъ приходится читать выдержки изъ одной рукописи XVIII в., даже съ со-

блюденіемъ ея орѳографіи, что для указаннаго времени едва ли имѣеть значеніе). Можно отмѣтить и еще кое-какіе недочеты въ разсматриваемомъ трудѣ. Такъ, не вполне выдержанъ авторомъ принятый имъ взглядъ на соотношеніе между политическою и релігіозною стороною въ событіяхъ 1682 года (стр. 232—3); нельзя признать безспорной, въ виду представленныхъ въ сочиненіи основаній, мысль автора, что по широтѣ своего воззрѣнія на обрядовыя формы (въ „Увѣтъ“) преосвящ. Аѳанасій „выступаетъ за предѣлы своего времени впередъ почти на цѣлое столѣтіе“ (стр. 309), а также и даваемую имъ на стр. 449—452 общую характеристику названнаго архипастыря, какъ дѣятеля противъ раскола, и т. п. Но отмѣчая подобнаго рода недочеты и пробѣлы въ разсматриваемомъ сочиненіи, мы не можемъ не признать его, тѣмъ не менѣе, трудомъ выдающимся по своимъ достоинствамъ изъ ряда обычныхъ студенческихъ работъ. Позволяемъ себѣ выразить увѣренность, что авторъ не остановится на представленныхъ имъ результатахъ изученія жизни и дѣятельности преосв. Аѳанасія, а расширивши рамки своего изслѣдованія и воспользовавшись всѣми извѣстными ему матеріалами, представитъ свою работу въ качествѣ магистерской диссертации. Въ настоящемъ же своемъ видѣ сочиненіе г. Богоявленскаго не только даетъ ему полное право на полученіе искомой степени, но и достойно особаго поощренія со стороны академическаго Совѣта“.

5) Экстраординарнаго профессора Іерофея Татарскаго о сочиненіи студента *Веряболовича Вячеслава*: „Разность идеаловъ поэзіи классическаго и христіанскаго міра въ зависимости отъ различія въ духовномъ настроеніи эпохъ“:

„Сочиненіе студента Вячеслава Веряболовича, писанное на тему: „Разность идеаловъ поэзіи классическаго и христіанскаго міра въ зависимости отъ различія въ духовномъ настроеніи эпохъ“,—имѣеть своею задачею показать превосходство христіанскаго ученія предъ греко-римскимъ язычествомъ, насколько оно (превосходство) отразилось въ области поэзіи, служащей важнѣйшимъ показателемъ духовно-нравственнаго состоянія человѣческихъ обществъ.—Собственно съ такою задачею, авторъ послѣ краткаго введенія, развивающаго общую мысль о связи поэзіи съ релігіей, раздѣляетъ все свое изслѣдованіе на двѣ части: на разсмотрѣ-

ніе идеаловъ поэзіи классическаго міра и характеристику поэтическихъ идеаловъ въ эпоху христіанскую.

Первая часть сочиненія состоитъ изъ четырехъ главъ, изъ которыхъ въ первой авторъ подробно характеризуетъ религіозныя представленія и тѣсно связанный съ ними строй общества въ греко-римскомъ мірѣ, а затѣмъ, въ слѣдующихъ главахъ, переходитъ къ частнѣйшему разсмотрѣнію отраженія ихъ въ классическомъ эпосѣ (вторая глава), лирикѣ (третья глава) и драмѣ (четвертая глава).—Эта часть сочиненія въ особенности отличается основательностію изученія предмета, хотя въ изложеніи она нѣсколько и страдаетъ отъ того, что авторъ, въ случаяхъ разнорѣчія ученыхъ, слишкомъ уже часто вдается въ полемику.

Во второй части сочиненія, также состоящей изъ четырехъ главъ, авторъ, обозначивъ въ общихъ чертахъ измѣненіе поэтическихъ идеаловъ античнаго міра подъ вліяніемъ началъ, внесенныхъ въ міръ христіанствомъ (первая глава), останавливается съ особымъ вниманіемъ на идеалахъ поэзіи среднихъ вѣковъ (вторая глава) и затѣмъ обращается къ поэзіи новаго времени, рассматривая ее здѣсь по наиболѣе распространеннымъ ея родамъ, именно, по роману (третья глава) и драмѣ (глава четвертая).—Соображенія, развиваемыя авторомъ въ этой части сочиненія, обнаруживая въ немъ здоровое пониманіе предмета и меткость въ сужденіяхъ о немъ, ясно показываютъ также и недюжинную способность его къ выбору и искусной группировкѣ представлявшагося ему обширнаго и разрозненнаго матеріала.

Сочиненіе г-на Вержболовича весьма обширно, основано на трудолюбивомъ изученіи имъ своего предмета подъ руководствомъ лучшихъ, большею частію, иностранныхъ пособій и, какъ обработанное съ видимымъ стараніемъ отъ начала и до конца, должно быть признано вполне удовлетворительнымъ для получения степени кандидата богословія“.

6) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Виноградова Василя*: „Историческое обозрѣніе суровыхъ и гуманныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ противъ раскольниковъ и сектантовъ съ точки зрѣнія принциповъ православнаго каноническаго права“:

„Указавъ на важность вопроса о мѣрахъ воздѣйствія со стороны правительства гражданскаго и церковнаго на рас-

кольниковъ и сектантовъ въ видахъ присоединенія ихъ къ Церкви и на разнорѣчіе, существующее относительно этого въ литературѣ, авторъ названнаго сочиненія полагаетъ, что рѣшеніе этого вопроса можетъ быть дано не только принципиальнымъ, но и историко-критическимъ его изслѣдованіемъ. Таковое изслѣдованіе авторъ и общаетъ представить въ своемъ сочиненіи, построая его по слѣдующему плану.

1) Выясненіе каноническихъ нормъ, которыми опредѣляется отношеніе къ диссидентамъ какъ церковной, такъ и гражданской власти. (Гл. 1).

2) Историко-критическое обзорѣніе мѣръ гражданской и церковной власти противъ диссидентовъ въ древней Руси (Гл. 2).

3) Таковое же обзорѣніе этихъ мѣръ въ періодъ времени отъ Петра 1-го до Императора Николая 1-го (Гл. 3) и

4) Отъ Импер. Александра II-го до нашихъ дней (Гл. 4).

Общіе выводы:

Въ главѣ 1-й (1 — 192) раскрываются слѣдующія положенія:

Согласно Господней и Апостольской заповѣди отношеніе первенствующей Церкви къ непокорнымъ ей членамъ состояло въ отлученіи ихъ отъ Церкви, въ прекращеніи съ ними общенія. Приговоръ отлученія не велъ однако же къ тому, чтобы отлученные оставались уже навсегда внѣ попеченія о нихъ Церкви: забота о заблуждающихся—священный долгъ пастырскаго служенія. Но какими мѣрами снова привлекать ихъ въ Церковь? Святоотеческими свидѣтельствами III и IV вѣка авторъ доказываетъ, что церковному воззрѣнію чужда была мысль о насильственномъ принужденіи въ дѣлѣ вѣры и ея исповѣданія. Однако же на практикѣ, начиная съ IV в., суровыя мѣры воздѣйствія на еретиковъ примѣнялись, именно по почину и иниціативѣ императоровъ. Причину этого явленія авторъ совершенно вѣрно указываетъ въ древне-римскомъ воззрѣніи на религію, какъ на силу и политическое средство объединенія подданныхъ всемирной имперіи, на исконное стремленіе классическаго государства къ достиженію политическаго единства совершеннымъ подавленіемъ духовныхъ интересовъ свободной индивидуальной личности. Это воззрѣніе было унаслѣдовано

и византийскими императорами, воздвигавшими по временамъ гоненія на еретиковъ, подобныя тѣмъ, какія нѣкогда воздвигали на Церковь языческіе императоры. Какъ же относилась Церковь къ этому явленію? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ указываетъ на различіе воззрѣній церкви западной и восточной. Въ первой, благодаря авторитету бл. Августина и отчасти св. Амвросія, преслѣдованіе еретиковъ возведено было въ каноническій принципъ и гоненіе на нихъ со стороны императоровъ почиталось прямо священнымъ долгомъ. Въ восточной церкви послѣдняго никогда не одобрялось, но крайней мѣрѣ въ принципѣ: мѣрами къ обращенію заблуждающихъ здѣсь признавались единственно духовныя—обличеніе и кроткое увѣщаніе. Это положеніе авторъ основательно доказываетъ ссылками на каноны соборовъ (особенно подробно разсматриваются каноны Карфагенскаго собора), на мнѣнія Св. Отцевъ, какъ-то: Св. Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Теодора Студита, Фотія и средневѣковыхъ канонистовъ.

Въ гл. 2-ой (193—342) авторъ раскрываетъ въ качествѣ основной мысли положеніе, что въ древней Руси господствующимъ отношеніемъ къ еретикамъ и иновѣрцамъ были нетерпимость и преслѣдованія градскими казнями. Авторъ усматриваетъ въ этомъ вліяніе византийскаго номоканона съ его жестокими уголовными наказаніями противъ еретиковъ и пытается (впрочемъ совсѣмъ напрасно) опровергнуть взглядъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ (Миллера, Соловьева), что жестокое преслѣдованіе еретиковъ градскими казнями было результатомъ латинскаго вліянія.

Въ гл. 3-й (343—458) авторъ представляетъ подробное изложеніе разнообразныхъ мѣръ то преслѣдованія, то привлеченія раскольниковъ и еретиковъ въ Церковь, предпринимаемыхъ свѣтскимъ правительствомъ въ царствованія Петра I, Екатерины II, императоровъ: Павла I, Александра I, Николая I. Мѣры эти были весьма разнообразны: то крайне суровыя, то гуманныя,—что обуславливалось неодинаковымъ воззрѣніемъ на сектантовъ—то какъ на лицъ, государству невредныхъ, но только неразумныхъ и темныхъ, то какъ крайне опасныхъ именно въ политическомъ отношеніи. Между тѣмъ какъ происходила эта смѣна и колебаніе политическихъ воззрѣній на сектантовъ въ государственномъ

правительствѣ, Св. Синодъ за все это время рѣшительно отклонялъ отъ себя преслѣдованіе и тѣмъ болѣе кару сектантовъ, оставляя за собою только право дѣйствовать духовнымъ оружіемъ—миссіями, увѣщаніями и полемикою. Въ доказательство этого положенія авторъ приводитъ дословно указъ Св. Синода отъ 1729 года на имя Тобольскаго епископа Антонія, содержаніе и тонъ котораго, по выраженію автора, „дышетъ такимъ духомъ кротости и свободы, какимъ отличались только святоотеческія писанія“ (стр. 417); далѣе — рядъ циркулярныхъ и частныхъ указовъ Св. Синода, внушающихъ духовенству „устраняться отъ всего того, что относится къ *обязанностямъ свѣтской власти*“ (по отношенію къ преслѣдованію сектантовъ). Затѣмъ авторъ подробно говоритъ о полемической дѣятельности нѣкоторыхъ іерарховъ XVIII в. и указываетъ на „правила единовѣрія“, какъ мѣру исполнѣ каноническую и въ тоже время сильную и цѣлесообразную.

Въ гл. 4-ой (459—563) авторъ сначала характеризуетъ отношеніе правительства къ сектантамъ въ царствованіе государей Александра II и Александра III, составляющее по внутреннему характеру совсѣмъ новую эпоху въ нашей государственной жизни. Сущность этого отношенія государственнаго правительства состоитъ въ томъ, что оно совсѣмъ отклонило отъ себя несвойственную ему обязанность обращать къ Церкви заблуждающихъ, всецѣло предоставивъ исполненіе этой обязанности самой Церкви и преслѣдуя въ сектантахъ лишь проявленія антигосударственныхъ и антисоціальныхъ стремленій.

Съ перемѣной отношеній государственнаго правительства къ сектантамъ наступила усиленная дѣятельность Церкви путемъ полемической, миссіонерской и просвѣтительной дѣятельности. Авторъ даетъ обстоятельныя указанія того, что сдѣлано до настоящаго времени во всѣхъ этихъ направленіяхъ.

Въ заключеніе сочиненія авторъ указываетъ на то печальное явленіе, что, не смотря на эту усиленную дѣятельность Церкви по обращенію сектантовъ, число послѣднихъ не уменьшается. Гдѣ причины неуспѣха или малаго успѣха нашей полемико-миссіонерской дѣятельности? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ указываетъ мнѣнія современной печати и высказываетъ съ своей стороны замѣчанія, которыя должно признать дѣльными и серьезными.

Вообще сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ достаточную начитанность по данному вопросу, усердное изученіе каноническаго и русскаго государственнаго законодательства по данному предмету, способность къ самостоятельной концепціи и обобщеніямъ, живой интересъ къ избранному предмету изслѣдованія и усердный трудъ. Его сочиненіе представляетъ собою законченное цѣлое съ весьма разнообразнымъ и интереснымъ содержаніемъ.

Есть въ сочиненіи недостатки; встрѣчаются по мѣстамъ поспѣшные и недостаточно обоснованные выводы и обобщенія, малопродуманныя выраженія и недостаточная обработка слога, зависѣвшая какъ будто отъ поспѣшности. Но принимая во вниманіе трудность и серьезность предмета сочиненія и указанныя выше достоинства послѣдняго, нахожу не несправедливымъ извинить эти недостатки.

Признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для при-
сужденія автору степени кандидата богословія“.

7) Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Владимірскаго Теодора*: „Немезій Эмесскій“:

„Въ виду скудости историческихъ свидѣтельствъ о личности Немезія, задача автора сосредоточивалась на анализѣ сочиненія Немезія „О природѣ чловѣка“. Соответственно этому авторъ дѣлитъ свой трудъ на двѣ неравныхъ части. Сообщивши въ первой краткія свѣдѣнія о личности Немезія, о его сочиненіи и изданіяхъ послѣдняго, онъ посвящаетъ вторую часть подробному анализу трактата Немезія *Περὶ φύσεως ἀνθρώπου*. Здѣсь, во-первыхъ, онъ излагаетъ космологическія и антропологическія представленія Немезія въ связи съ его догматическими и нравственными идеями, а во-вторыхъ, выясняетъ источники ученія Немезія. Для этой послѣдней цѣли онъ сопоставляетъ ученіе Немезія съ главнѣйшими философскими теченіями древняго міра—платонизмомъ, новоплатонизмомъ, стоицизмомъ, философіей Аристотеля и физиологическими воззрѣніями Галена. Изслѣдованіе оканчивается выясненіемъ связи антропологии Немезія съ антропологическими воззрѣніями Оригена и Григорія Нисскаго и указаніемъ вліянія Немезія на послѣдующихъ церковныхъ писателей.

Изъ этого краткаго обзорнія содержанія г. Владимірскаго видно, насколько всесторонне старался онъ изслѣдовать

свой предметъ. Этотъ, похвальный по своей полнотѣ, планъ работы осуществленъ авторомъ вполне удовлетворительно, хотя и не съ одинаковымъ успѣхомъ во всѣхъ пунктахъ. Авторъ вполне правильно и точно понимаетъ непосредственный смыслъ изслѣдуемаго имъ памятника, представляющаго по мѣстамъ значительныя затрудненія для перевода вслѣдствие обилія физиологическихъ и медицинскихъ терминовъ, значеніе которыхъ не всегда можно отыскать въ словаряхъ.

Далѣе, авторъ вполне овладѣлъ матеріаломъ, содержащимся въ трактатѣ Немезія. Онъ старался отмѣтить каждую мысль изучаемаго автора и расположить все его ученіе въ систематическомъ порядкѣ. Въ концѣ изложенія его онъ прилагаетъ таблицу, въ наглядной схемѣ изображающую ученіе Немезія о способностяхъ души.

Наконецъ, авторъ ознакомился съ антропологическими воззрѣніями древнихъ философовъ, насколько это было необходимо для выясненія происхожденія и дѣйствительнаго смысла ученія Немезія. Для этого онъ изучалъ не только общія изслѣдованія по исторіи психологіи, но и изслѣдованія, посвященныя отдѣльнымъ философскимъ школамъ. Иногда онъ обращается и къ подлиннымъ сочиненіямъ философовъ, въ которыхъ видитъ учителей Немезія.

Достоинство сочиненія уменьшается однако недостаточною начитанностью автора въ патристической литературѣ. Отношеніе Немезія къ другимъ писателямъ IV в., равно какъ и вліяніе его трактата на послѣдующую патристическую литературу едва лишь затронуты и почти вовсе не изслѣдованы. Между тѣмъ знакомство съ патристической литературой IV в. дало бы автору ясное представленіе о томъ, насколько типичнымъ выразителемъ психологическихъ воззрѣній восточной церкви IV в. былъ Немезій и какое важное значеніе имѣли развиваемыя Немезіемъ психологическія понятія въ догматическихъ спорахъ того времени.

Въ интересахъ ясности было бы лучше указывать происхожденіе психологическихъ воззрѣній Немезія при самомъ ихъ изложеніи въ каждомъ частномъ пунктѣ. Это освободило бы читателя отъ необходимости возвращаться назадъ при чтеніи послѣдней главы. Сверхъ того, это могло бы служить иногда комментариемъ для мыслей Немезія, не всегда ясныхъ.

Въ общемъ сочиненіе г. Владимірскаго вполне удовлетворительно и даетъ ему полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

8) И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Волнина Николая*: „Старець Артемій, бывшій игумень Троицкій“:

„Содержаніе сочиненія слѣдующее. Біографическія данныя за первую половину жизни старца Артемія и его заволжское направленіе. Литературная дѣятельность старца Артемія до бѣгства его въ Литву. Вопросъ о времени написанія его посланій. Ихъ содержаніе и источники. Данныя для біографіи Артемія за время пребыванія его въ Литвѣ. Литературная его дѣятельность здѣсь. Содержаніе и источники литовскихъ посланій Артемія.

Вопросъ о старцѣ Артеміи не новый въ нашей исторической литературѣ, но онъ обследованъ не всесторонне. Именно, посланія этого плодовитаго и оригинальнаго русскаго начетчика XVI в. не достаточно изучены, какъ матеріаль для біографіи автора, а главное—со стороны ихъ литературныхъ источниковъ. Г. Волнинъ взялся восполнить этотъ пробѣлъ. Прежде всего онъ свѣряетъ съ рукописью несправное изданіе посланій Артемія въ Русской Исторической Библіотекѣ (т. IV, столб. 1201—1448). Далѣе устанавливаетъ хронологическую послѣдовательность ихъ и старается разложить текстъ посланій по источникамъ. Для этого онъ приписываетъ многочисленныя изреченія Писанія, на которыя ссылался Артемій, а также сплошныя замѣтванія изъ святыхъ отцевъ. Последняя работа была нелегка. Автору пришлось прочесть немало рукописей изъ академической и лаврской бібліотекъ затѣмъ, чтобы отыскать тѣ „писанія многи“, которыя вдохновляли книжнаго старца, и пришлось искать ихъ не только по указаніямъ и ссылкамъ Артемія, но и безъ его указаній и ссылокъ, совершенно наугадъ. Эту задачу авторъ выполнитъ съ примѣрной тщательностью.

Но біографія старца Артемія не вышла у него полнѣе и живѣе, чѣмъ мы ее имѣемъ. Это произошло по двумъ причинамъ: во-первыхъ, авторъ съузиль свою задачу, во-вторыхъ,—не успѣлъ ориентироваться въ добытомъ имъ матеріалѣ. Онъ намѣтилъ описать только заволжское направленіе Артемія, какъ общій факторъ въ развитіи его личности. Въ первый

періодъ жизни Артемія заволжское направленіе его объясняетъ почти все и потому біографическій очеркъ за это время вышелъ лучше. Но въ Литвѣ для уясненія дѣятельности и литературнаго направленія Артемія надо было принять въ расчетъ историческую обстановку, на которую авторъ обратилъ менѣе вниманія, чѣмъ слѣдовало. Изъ его работы можно видѣть, что по своимъ воззрѣніямъ Артеміи остался и въ Литвѣ ученикомъ Нила Сорскаго, что въ борьбѣ съ „люторами“ онъ пользовался тѣми же писаніями, которыми обличалъ іосифлянъ. Но авторъ не ставитъ вопроса о томъ, усвоилъ-ли себѣ русскій начетчикъ взгляды противниковъ православія; съ какой точки зрѣнія онъ велъ полемику и все-ли удачно опровергъ; гдѣ причина важнаго вліянія литературно-полемической дѣятельности Артемія на литовское общество. Однимъ словомъ, авторъ не сосредоточилъ достаточнаго вниманія на вопросѣ, какое мѣсто занимаетъ Артеміи среди древне-русскихъ полемистовъ противъ лютеранъ.

Надо притомъ сказать, что авторъ крайне остороженъ и боится сказать что-либо больше прямого показанія источника. Отъ того его изложеніе выходитъ суховатымъ, лаконичнымъ и даже не совсѣмъ полнымъ. У него нѣтъ ошибокъ, его матеріаль доброкачественный вполне; но для того, чтобы вышла всесторонняя монографія объ игуменѣ Артеміи, къ сказанному нашимъ авторомъ надо многое прибавить. Его сочиненіе можно считать только началомъ такой монографіи, но началомъ вполне удачнымъ.

Въ виду сказаннаго признаю сочиненіе г. Волнина весьма хорошимъ“.

9. Ординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента *Германиди Ивана*: „Геннадіи схоляріи, патріархъ Константинопольскій, какъ греческій писатель XV вѣка“:

„Сочиненіе г. Германиди состоитъ изъ введенія, раскрывающаго значеніе Геннадія въ эпоху Ферраро-Флорентійскаго собора (стр. 1—13) и трехъ главъ изслѣдованія, имѣющихъ такія заглавія: I. Жизнь и дѣятельность Геннадія схолярія (стр. 14—98); II. Геннадіи схоляріи какъ писателя (стр. 99—183) и III. Особенности языка Геннадія схолярія (стр. 184—235). Введеніе и двѣ первыя главы из-

слѣдованія написаны по-русски, а послѣдняя глава — по гречески.

Сочиненіе представляет собою цѣльное и основательное изслѣдованіе, одушевленное глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ автора къ предмету изслѣдованія, надъ которымъ онъ, очевидно, много трудился, или, по крайней мѣрѣ, много думалъ и раньше, нежели приступилъ къ обработкѣ его для соисканія степени кандидата богословія. Кромѣ того, какъ на выдающіяся достоинства этого сочиненія, нужно указать на а) обширность изученія авторомъ литературы предмета изслѣдованія, не только печатной, но и рукописной (напр. стран. 52), не только въ русскихъ бібліотекахъ хранящейся, но и въ иностранныхъ, главнымъ образомъ восточныхъ греческихъ (стр. 172 и дал.);—б) тщательность обработки изслѣдованія вообще и въ особенности по отношенію къ литературной дѣятельности Геннадія (гл. II);—в) самостоятельность работы (при чемъ разумѣются: успѣшная борьба автора съ противниками въ ученыхъ взглядахъ на различныя частности предмета изслѣдованія, какъ напр. на стран. 64 и 70 въ примѣчаніяхъ;—независимыя сужденія, оцѣнка изданій того или другого труда Геннадія, какъ на стран. 107 въ примѣч. и т. п.) и нѣкоторыя иныя.

Поставить въ упрекъ автору можно было бы, кромѣ нѣкоторыхъ недостатковъ изложенія, извинительныхъ, впрочемъ, въ немъ, какъ грекъ по происхожденію (напр. неправильности по части русской орфографіи, какъ на стр. 2, 4, 6, 15, 20, 67, 163 прим. и др., стилистическія шероховатости, какъ на стр. 8, 10, 12, 13, 29, 142, 148 и др.), еще развѣ слѣдующее: а) во введеніи авторъ нисколько не касается значенія Геннадія какъ писателя собственно, хотя это болѣе всего требовалось самою задачею его труда и хотя, далѣе, во II и III главахъ онъ обстоятельно раскрываетъ это значеніе; б) нѣкоторыя неясности въ изложеніи (стр. 16, 24, 40, 90 и др.), историческія неточности (стр. 14, 164), слабыя соображенія и доказательства (стр. 73), особенно же в) недостаточность обработки важнѣйшей въ филологическомъ отношеніи III-й главы изслѣдованія, въ чемъ авторъ и самъ сознается, объясняя ее недостаткомъ пособій и краткостію времени, бывшаго въ его распоряженіи для писанія сочиненія (стр. 234 и 235).

При всемъ томъ, въ виду указанныхъ достоинствъ, сочиненіе г. Германиди вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

10. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Говядовскаго Ивана*: „Историческое обозрѣніе соборовъ Православной Церкви въ юго-западной Руси, составлявшихся въ эпоху борьбы ея съ пропагандою латинства“:

„Ближайшимъ предметомъ названнаго сочиненія служили соборы западно-русской православной Церкви, составлявшіеся въ эпоху наиболѣе рѣзко обнаружившейся пропаганды латинства, т. е. въ концѣ XVI и XVII вѣкѣ. Но авторъ, исходя изъ положенія, что пропаганда латинства замѣтна была съ самаго начала существованія православной Церкви въ западной Руси, а съ другой стороны имѣя въ виду требованіе темы—придать обозрѣнію соборовъ характеръ историческаго, значительно расширилъ предѣлы, намѣченные темою, и взялъ на себя трудъ представить связанное историческое обозрѣніе (хотя и весьма сжатое) соборовъ юго-западной Церкви и предыдущихъ эпохъ въ связи съ указаніемъ на особенное положеніе юго-западной Церкви подъ властію католическихъ государей, то литовскихъ, то польскихъ, равно какъ и на обусловленное этимъ положеніемъ стремленіе латинства подчинить ее своему господству.

Въ такомъ расширенномъ объемѣ историческое обозрѣніе соборовъ юго-западной Церкви распределено авторомъ на слѣдующіе четыре періода:

1., Соборы Кіевскіе (до-монгольскаго періода); 2., соборы Виленскіе; 3., соборы Брестскіе и 4., соборы Кіевскіе (XVII вѣка).

Первая изъ этихъ группъ соборовъ, за недостаткомъ сохранившихся „дѣяній“ и вообще достаточныхъ историческихъ свѣдѣній, описана авторомъ кратко, такъ что этотъ отдѣлъ лучше бы было даже совсѣмъ соединить съ предваряющимъ его введеніемъ; да и по существу дѣла онъ есть не что иное, какъ историческое обоснованіе положенія, что важнѣйшіе дѣла и вопросы искони рѣшались въ древней русской Церкви соборами ея іерарховъ.

Главный трудъ свой авторъ сосредоточилъ на соборахъ юго-западной Церкви XVI и XVII вѣковъ. Съ большимъ усердіемъ авторъ собралъ и изучилъ свѣдѣнія объ этихъ

соборахъ и представилъ оныя въ тщательно обработанномъ видѣ. Какъ усерденъ былъ его трудъ собиранія и изученія матеріала,—это можно видѣть изъ перечня источниковъ и пособій, помѣщеннаго въ сочиненіи на стр. XXIII—XXXIV предисловія. Нѣкоторые изъ этихъ источниковъ авторъ могъ видѣть и изучить только въ Императ. С.-Петербургской Библиотекѣ и Библиотекѣ Кіево-Печерской Лавры (гдѣ авторъ и занимался въ канікулярное время года). О каждомъ изъ соборовъ онъ сообщаетъ добытыя свѣдѣнія по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) обстоятельства, предшествовавшія собору и его вызвавшія; 2) отношеніе государственнаго правительства къ православнымъ въ моментъ созванія собора; 3) мѣсто собора; 4) составъ членовъ (съ характеристикою выдающихся своимъ значеніемъ); 5) организація собора; 6) предметъ соборныхъ совѣщаній и 7) соборныя постановленія и ихъ комментарий.

Сочиненіе представляетъ собою вполне законченное и тщательно обработанное изслѣдованіе. Оно предваряется предисловіемъ и введеніемъ и оканчивается подробнымъ оглавленіемъ содержанія и двумя приложениями, составляющими самостоятельный переводъ автора на русскій языкъ съ польскаго двухъ небольшихъ памятниковъ XVII вѣка.

Не смотря на обширный объемъ (болѣе 100 листовъ), рассматриваемое сочиненіе читается отъ начала до конца съ большимъ интересомъ. Причины этого въ слѣдующемъ: сочиненіе написано яснымъ, чистымъ и хорошо обработаннымъ языкомъ; изложеніе всюду связное и послѣдовательное; отношеніе автора къ изображаемымъ историческимъ событіямъ не холодное и безучастное, но всюду проникнуто искренне патріотическою любовію къ самоотверженной дѣятельности борцовъ за православіе и сердечнымъ участіемъ къ разнообразно перемѣнчивой судьбѣ многострадальной православной юго-западной Церкви. Такъ даетъ знать себя собственно историческій элементъ въ сочиненіи студ. Говядовскаго. Что касается элемента каноническаго, то рецензентъ съ особенною похвалою долженъ указать на весьма обстоятельныя справки автора изъ Кормчей книги изд. 1653 года, которыми всюду снабжены комментарии автора къ изложеннымъ имъ соборнымъ постановленіямъ съ цѣлію указать и выяснить ихъ каноническое достоинство.

Признаю сочиненіе студента Ивана Говядовскаго вполне удовлетворительнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія“.

11. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента священника *Голубятникова Сергія*: „Церковные соборы по дѣлу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ при патріархѣ Никонѣ“:

„Не смотря на первостепенное значеніе, издавна и донинѣ усвояемое православными полемистами противъ раскола церковнымъ соборамъ, бывшимъ при патр. Никонѣ, какъ доказательству канонической правоты его дѣла, мы доселѣ не имѣемъ въ печатной литературѣ труда, посвященнаго специальному изложенію цѣльной исторіи этихъ соборовъ и выясненію ихъ значенія въ исторіи книжно-обрядовыхъ исправленій. Правда, въ этомъ отношеніи разными изслѣдователями сдѣлано уже не мало; но, съ одной стороны, результаты существующихъ изслѣдованій нуждаются иногда въ пересмотрѣ и провѣркѣ, съ другой—только сведенные вмѣстѣ и восполненные нѣкоторыми новыми данными, они могутъ дать вполне вѣрное и ясное представленіе о дѣйствительномъ ходѣ и значеніи извѣстныхъ событій. Такое переизслѣдованіе вопроса объ упомянутыхъ соборахъ и взять на себя о. С. Голубятниковъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Установивши въ предисловіи (стр. I—XIII) общую точку зрѣнія на предметъ изслѣдованія и преднамѣтивши его составъ, обрисовавши, затѣмъ, во введеніи (стр. 1—48) личный характеръ п. Никона и начало предпринятыхъ имъ исправленій, названный авторъ въ пяти главахъ своего сочиненія обстоятельно излагаетъ исторію собора 1654 г. (гл. I, стр. 49—108), двухъ соборовъ 1655 г. (гл. II, стр. 109—152 и гл. III, стр. 153—172) и двухъ соборовъ 1656 г. (гл. IV, стр. 173—263 и гл. V, стр. 264—270), касаясь попутно и тѣхъ событій, которыя совершались въ промежутки между названными соборами, въ ближайшей съ ними связи, и въ заключеніе устанавливаетъ (стр. 270—291) общій взглядъ на изученныя событія, давая оцѣнку участія въ нихъ п. Никона и его противниковъ съ современно-научной, исторической и канонической точекъ зрѣнія. При выполненіи этой программы своего труда авторъ обнаруживаетъ серьезное и внимательное изученіе своихъ перво-

источниковъ и довольно обширной литературы научныхъ по-собій, списокъ которыхъ приложенъ имъ въ началѣ. Онъ не только умѣло пользуется трудами своихъ предшественниковъ, усваяя твердые результаты ихъ работъ, но и оставляетъ за собою при этомъ совершенно независимое положеніе въ отношеніи къ нимъ, внося основательныя поправки и цѣнныя дополненія въ результаты ихъ изысканій. Вообще какъ по приемамъ изслѣдованія, такъ и по его результатамъ разсматриваемое сочиненіе имѣетъ характеръ научной работы, проникнутой при этомъ строгимъ единствомъ вполне опредѣленнаго взгляда на предметъ изученія. Отличительную его особенность составляетъ повсюду замѣтно выступающая забота автора остаться на высотѣ научной объективности въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ и событіяхъ. увлекающая его, однако, кое-гдѣ къ несомнѣннѣмъ правильнымъ сужденіямъ о нихъ. При обиліи весьма разнообразныхъ вопросовъ, подлежащихъ разъясненію и рѣшенію, не удивительно, что на ряду съ весьма интересными и дѣльными соображеніями (напр. по поводу хронологическихъ трудностей, связанныхъ съ извѣстной грамотой Паисія, стр. 98—106, и т. п.) встрѣчаются въ сочиненіи и такія, которыя не могутъ быть признаны основательными. Таковы, напр., взглядъ автора на отношеніе къ дѣлу книжно-обрядоваго исправленія самого патр. Никона, будто бы только „выдвинутаго передовыми людьми“ въ интересахъ реформы (стр. 34—5),—взглядъ, впрочемъ, и не проведенный послѣдовательно въ разсматриваемомъ трудѣ. Едва-ли также можно согласиться съ мнѣніемъ автора, что неизвѣстныхъ намъ доселѣ подлинныхъ записей актовъ перваго собора 1655 г. совсѣмъ и не было (стр. 109); ошибочно должна быть признана и догадка объ участіи рязанскаго архіепископа Мисаила въ занятіяхъ названнаго собора (стр. 122), какъ не оправдываемая хронологическими данными, и т. п. Но ошибки подобнаго рода, почти неизбѣжныя въ сложной исторической работѣ, не умаляютъ указанныхъ положительныхъ качествъ разсматриваемаго произведенія и не препятствуютъ отзываться о немъ съ большой похвалой. Степени кандидата богословія авторъ вполне достоинъ“.

12. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевского о сочиненіи студента *Егорова Николая*: „Братскія

школы въ западной Руси до Петра Могилы и ихъ значеніе для православнаго образованія“:

„Сочиненіе раздѣлено на двѣ части. Отчетливо и сжато изложивъ во введеніи происхожденіе, условія развитія, характеръ и значеніе западно-русскихъ православныхъ братствъ, авторъ въ первой части выясняетъ сперва „общія начала“ образованія, какое давали братскія школы, его научный составъ, какъ онъ опредѣлился подъ вліяніемъ „умственного настроенія“ и „религіознаго міровоззрѣнія“ западно-русскаго православнаго общества въ зависимости отъ трехъ „просвѣтительныхъ теченій“, съ которыми братствамъ пришлось считаться, восточнаго греко-московскаго и западныхъ латинно-польскаго и протестантскаго; затѣмъ слѣдуютъ краткій очеркъ возникновенія и внѣшней жизни братскихъ школъ и болѣе подробное описаніе ихъ внутренняго учебнаго и воспитательнаго строя. Во второй части сочиненія авторъ разсматриваетъ вторую половину своей задачи—вопросъ о значеніи братскихъ школъ для православнаго образованія. Разрѣшая этотъ вопросъ, онъ сводомъ обильныхъ данныхъ изъ исторіи западно-русской духовной литературы показываетъ, 1) въ какихъ отрасляхъ богословской науки преимущественно развивали свою научную дѣятельность братскія школы и 2) какое вліяніе оказала на эту дѣятельность западная наука, протестантская и католическая. Авторъ обнаружилъ основательное знакомство съ источниками и довольно обширной литературой своего предмета, умѣнье свести и направить къ рѣшенію поставленнаго вопроса изученные факты и выводы изслѣдователей, строго-последовательно развить свою мысль и изложить ее ясно и просто. Сочиненіе можетъ быть признано *весьма хорошимъ*“.

13. Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Киріяка Евстратія*: „Исторія учрежденія автокефальной церкви въ королевствѣ Эллинскомъ“:

„Сочиненіе г. Киріяка своимъ содержаніемъ вполне отвѣчаетъ избранной имъ темѣ. Оно состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Въ введеніи (1—81) излагается краткій очеркъ исторіи элладскихъ епархій отъ начала въ Элладѣ христіанства до возстанія грековъ въ 1821 году и описывается положеніе греческихъ церквей въ ихъ отношеніи къ Константинопольскому патриарху до учрежденія греческаго

королевства въ 1832 году. Вопреки мнѣнію грека Формакидиса авторъ здѣсь убѣдительно доказываетъ, что хотя во время возстанія сношенія эллинскихъ церквей съ Константинопольской патріархіей фактически были прерваны, однако юридическая зависимость первыхъ отъ послѣдней продолжалась и признавалась греческой іерархіей и народомъ. Поэтому, и исторію учрежденія автокефальной церкви въ королевствѣ Эллиновъ онъ начинаетъ не съ года возстанія, а со времени утвержденія прочнаго политическаго порядка въ Элладѣ (1832 г.), тотчасъ повлекшаго за собой провозглашеніе церковной независимости. Первая глава (81—167) и рассказываетъ о томъ, какъ совершилось это провозглашеніе въ дѣятельности семичленной комиссіи и собора элладскихъ епископовъ 1833 года. Глава вторая излагаетъ факты, характеризующіе отношеніе къ состоявшемуся самовольному провозглашенію автокефальности элладской церкви клира и народа греческаго, съ одной стороны, и Константинопольской патріархіи,—съ другой (167—194). Въ третьей главѣ идетъ рѣчь объ обстоятельствахъ, содѣйствовавшихъ восстановленію каноническихъ сношеній элладской церкви съ Константинопольскимъ патріархомъ, и о Константинопольскомъ соборѣ 1850 года, законно утвердившемъ ея автокефальность (194—293). Четвертая глава знакомитъ съ учредительнымъ закономъ 1852 года, основанномъ на постановленіи Константинопольскаго собора и опредѣлившемъ окончательное устройство эллинской церкви, и перечисляетъ нѣкоторые дополнительные законодательные акты (294—335). Сочиненіе заканчивается краткимъ выясненіемъ основной причины, побудившей грековъ добиваться церковной независимости, которую авторъ видитъ въ сильномъ развитіи въ грекахъ національнаго самочувствія послѣ борьбы за свободу (336—340).

Сочиненіе г. Кириако носитъ на себѣ строго документальный характеръ. Свои положенія онъ вездѣ или подтверждаетъ выдержками изъ документовъ, или прямо говоритъ языкомъ ихъ. Въ общемъ его сочиненіе представляетъ довольно правильную и полную картину дѣла объ автокефальности элладской церкви. Изложено оно рѣчью удовлетворительной, не смотря на иностранное происхожденіе автора. По этимъ своимъ достоинствамъ оно

даетъ автору право на получение степени кандидата богословія“.

14. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Кохановича Федора*: „Борьба древне-русской церкви съ волшебством“:

„Во введеніи къ сочиненію авторъ разсуждаетъ о языческой религіи русскихъ славянъ и финновъ. Въ первой части описываетъ профессію и положеніе волхва въ язычествѣ. Въ обширной первой главѣ второй части излагаетъ самую борьбу церкви съ волшебствомъ: сначала литературную полемику церкви, потомъ преслѣдованіе волшебства судомъ церковнымъ и гражданскимъ, наконецъ, — дисциплинарными мѣрами. Въ небольшой второй главѣ этой части указываются результаты борьбы древне-русской церкви съ волшебствомъ.

По данному вопросу въ нашей древней письменности имѣется довольно обширный и главное разбросанный матеріалъ. И это послѣднее обстоятельство можетъ извинять до нѣкоторой степени автора въ томъ, что онъ не всѣмъ воспользовался. Но къ добытому матеріалу онъ отнесся не вполне научно. У автора есть тенденція упрощать дѣло. Въ этихъ видахъ онъ считаетъ одинаковыми славянскую религію и финскую и не дѣлаетъ различія между славянскимъ волхвомъ и финскимъ шаманомъ, что конечно не вѣрно. А въ вопросѣ о полемикѣ противъ волшебства авторъ отказывается отъ критическаго разбора псевдонимныхъ поученій и пользуется памятниками, не смущаясь ихъ разновременностью. При этомъ онъ не всегда внимателенъ къ приводимымъ имъ текстамъ и, случается, толкуетъ ихъ не точно. Въ планѣ сочиненія есть недостатки: пропуски (пропущено византійское законодательство о волшебствѣ), механическая послѣдовательность (не на мѣстѣ поставленъ обзоръ отреченной гадательной письменности въ древней Руси и церковныя правила противъ волшебства), въ особенности же произвольное расширеніе вопроса: во второй части авторъ пишетъ собственно о полемикѣ противъ суевѣрій, а не о литературной борьбѣ только съ волшебствомъ. Несомнѣнно волшебство имѣло на Руси свою эволюцію, но авторъ не подмѣтилъ её и не раскрылъ влѣдствіе своихъ приѣмовъ изслѣдованія. Наконецъ въ вопросахъ посторон-

нихъ къ темъ онъ обнаруживаетъ иной разъ большую наивность.

Но въ сочиненіи встрѣчаются нерѣдко удачныя соображенія. Небольшая по объему послѣдняя глава написана сжато и рельефно: вопросъ о причинахъ безуспѣшности борьбы древне-русской церкви съ волшебствомъ разрѣшенъ здѣсь совершенно правильно.

Сочиненіе вполне заслуживаетъ г. Кохановичу степень кандидата богословія“.

15. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Крестіанполя Никанора*: „Древне-русскія поученія, обращенныя къ пастырямъ церкви“:

„Сочиненіе состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой представляется критико-библіографическій очеркъ поученій пастырямъ,—псевдонимныхъ въ I отдѣлѣ и принадлежащихъ извѣстнымъ русскимъ авторамъ во II. Вторая глава содержитъ характеристику этихъ поученій и оцѣнку ихъ, какъ историческаго источника. Въ приложеніи помѣщены нѣкоторыя неизданныя поученія, разобранныя авторомъ въ сочиненіи. Начальный отдѣлъ первой главы—лучшая часть работы. Авторъ добросовѣстно по главнымъ описаніямъ рукописныхъ собраній и по рукописямъ ему доступнымъ изучаетъ съ точки зрѣнія критико-библіографической поученія къ древнерусскимъ пастырямъ, принадлежащія неизвѣстнымъ авторамъ: сличаетъ списки, устанавливаетъ редакціи, самостоятельно рѣшаетъ вопросы объ авторахъ поученій, мѣстѣ и времени ихъ появленія, слѣдитъ за ихъ литературной исторіей. Среди этихъ поученій есть такія, которыя въ нашей ученой литературѣ не обследованы (напр. рядъ поученій къ пастырямъ въ Сборникѣ XIV в. Библіотеки графа Уварова № 1770) и г. Крестіанполь первый долженъ былъ разобраться въ нихъ. Правда, онъ иногда пропускаетъ существующія изданія изучаемыхъ имъ памятниковъ, не знаетъ подчасъ ученой литературы, которая выяснила бы ему его вопросы и несомнѣнно повліяла бы на выводы. Ему можно посоветовать съ болѣею осторожностью отвергать принятія въ наукѣ мнѣнія и обратить болѣе вниманія на языкъ и содержаніе изучаемыхъ памятниковъ. Тѣмъ не менѣе эта часть сочиненія имѣетъ положительную научную цѣнность.

При обзорѣннн поученій, принадлежащихъ извѣстнымъ исторически русскимъ авторамъ, г. Крестіанполю пришлось работать въ области хорошо изученной и только повторить сказанное другими.

Характеристика даннаго отдѣла поученій, содержащаяся во II главѣ сочиненія, не можетъ быть признана удачною. Авторъ далеко не исчерпываетъ ихъ содержанія. Разобранныя имъ поученія къ пастырямъ заключаютъ въ себѣ не только ученіе о пастырскомъ служеніи, частныя наставленія и изображеніе нравовъ древне-русскаго духовенства, какъ онъ полагаетъ (стр. 208), ихъ содержаніе сводится не къ раскрытію только пастырскаго идеала и указанію уклоненій отъ него, какъ заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 267—8). Кромѣ того они описываютъ строй древне-русской церковной жизни: пути и средства учительнаго воздѣйствія высшей іерархіи на низшую, а низшей на народъ, отмѣчаютъ и разныя историческія условія, не благопріятствовавшія этому дѣлу. Авторъ опустилъ изъ вниманія, что значительная часть изъ поученій къ пастырямъ—произведенія церковнаго законодательства, памятники дѣйствовавшаго въ древности каноническаго права. Далѣе, нѣкоторыя изъ разобранныхъ поученій явились въ эпоху очень древнюю или обращены къ духовенству недавно крестившихся русскихъ окраинъ. Ихъ слѣдовало выдѣлнить въ особую группу, какъ памятники въ высшей степени цѣнныя для исторіи христіанизации Руси. Но авторъ опустилъ это изъ вниманія. Онъ не воспользовался и многими бытовыми данными въ содержаніи поученій. Произошло это отъ того, что изучаемый имъ матеріалъ онъ оцѣнивалъ не съ точки зрѣнія церковнаго историка, а съ точки зрѣнія пастырскаго богословія.

Тѣмъ не менѣе въ общемъ сочиненіе г. Крестіанполя надо признать очень хорошимъ“.

16. Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Кушевича Ксенофонта*: „Святый Кирилль Александрійскій, какъ апологетъ христіанства“:

„Сочиненіе составлено по стройному плану. Во введеніи дается краткая характеристика христіанской апологетики и тѣхъ враждебныхъ христіанству теченій въ языческомъ обществѣ, которыя вызывали въ это время апологетическіе труды. Самое сочиненіе распадается на двѣ части. Въ пер-

вой говорится о литературной борьбѣ императора Юліана съ христіанствомъ и объ обстоятельствахъ происхожденія апологін Св. Кирилла Александрійскаго. Во второй излагается содержаніе сочиненія Св. Кирилла противъ Юліана.

По своему общему характеру сочиненіе можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Предметъ изслѣдованія достаточно освѣщенъ въ своихъ основныхъ чертахъ. Правда, отъ автора можно было бы потребовать большей подробности и обстоятельности какъ въ вопросахъ библиографическаго характера, такъ и въ самомъ изложеніи апологетическаго труда Св. Кирилла. Но это касается уже подробностей въ разработкѣ темы, съ отсутствіемъ которыхъ можно примириться, когда дано все существенное и главное. Гораздо важнѣе другой недостатокъ сочиненія. Проверка его по источнику и пособіямъ обнаружила цѣлый рядъ буквальныхъ заимствованій изъ сочиненій Алфіонова, Кулленскаго и Цвѣткова, причемъ объ источникахъ, изъ которыхъ эти заимствования сдѣланы, авторъ умалчиваетъ. Нѣкоторыя страницы представляютъ собою мозанку изъ буквальныхъ тирадъ, списанныхъ изъ нѣсколькихъ книгъ. По приблизительному подсчету оказалось, что списано около четверти сочиненія. Въ остальныхъ частяхъ мы не могли обнаружить заимствованій. Что-бы выяснить точнѣе степень самостоятельности автора въ этихъ частяхъ его сочиненія, отъ него были потребованы мною всѣ черновыя бумаги. Разсмотрѣніе черновыхъ работъ показало, что авторъ много трудился надъ своимъ сочиненіемъ. Такъ, составивши свое сочиненіе, онъ переработалъ его снова и во второй разъ переписалъ его на чернѣ. Сочиненіе въ томъ видѣ, въ которомъ подано, представляетъ собою новую переработку этой второй черновой работы. вмѣстѣ съ черновыми работами были представлены переводы апологін и выписки изъ нея, показывающія, что авторъ во всякомъ случаѣ лично переводилъ и изучалъ литературное произведеніе, которое онъ долженъ былъ изслѣдовать. Если, далѣе, отбросить ту четверть сочиненія, которая заимствована изъ пособій, то все же останется три четверти достаточныя для признанія г. Кушевича кандидатомъ богословія.

Въ виду всего этого, а также принимая во вниманіе иностранное происхожденіе автора, я съ своей стороны на-

хожу возможнымъ оказать ему снисхожденіе и признать его достойнымъ степени кандидата богословія, отмѣтивъ его сочиненіе самымъ низшимъ кандидатскимъ балломъ“.

17. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Луневскаго Николая*: „Система обличенія русскаго раскола по сочиненіямъ покойнаго отца архимандрита Павла Пруссаго“:

„Названная тема уже не въ первыйъ разъ предлагается пишущимъ эти строки для разработки въ курсовомъ сочиненіи: одна такая работа была выполнена два года тому назадъ, но далеко не съ полнымъ успѣхомъ. Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ высокимъ достоинствомъ и неоспоримымъ значеніемъ полемическихъ (противъ раскола) трудовъ архим. Павла, побудили предложить ту же тему вновь г. Луневскому, стипендіату имени покойнаго полемиста. Задача работы теперь, какъ и прежде, указана была въ томъ, чтобы изложить или хотя привести въ буквальныхъ выдержкахъ, но въ строго обдуманной и выведенной изъ самого изучаемаго матеріала системъ, все существенное полемическое содержаніе сочиненій о Павла, предпославши такому изложенію общую характеристику изучаемыхъ трудовъ со стороны ихъ метода и содержанія. Имѣя это въ виду, авторъ представленнаго на этотъ разъ сочиненія, послѣ краткихъ вступительныхъ замѣчаній (стр. 1—9) и обширной I главы, посвященной изложенію біографическихъ свѣдѣній объ о. Павлѣ и характеристикѣ его личности (стр. 10—170), указавши отношеніе противураскольническихъ сочиненій покойнаго полемиста къ предшествующимъ трудамъ того же рода и обрисовавши основные начала и приемы его противураскольнической полемики (гл. II, стр. 171—286), подробно излагаетъ затѣмъ (въ гл. III, стр. 287—527), помѣстамъ—словами самого о. Павла, полемическое содержаніе его сочиненій, положивши исходнымъ пунктомъ всей системы ученіе о признакахъ истинной Церкви Христовой, и наконецъ, въ видѣ заключенія къ сочиненію, приводитъ (стр. 527—533) сужденія о. Павла о расколѣ и о необходимости его обличенія. Таково содержаніе сочиненія г. Луневскаго. Нельзя сказать, что вышеуказанная задача выполнена имъ совершенно безукоризненно: есть и въ разсматриваемомъ теперь произведеніи нѣкоторые недочеты, касаю-

щією частію полноты его содержания, частію формальной стороны—распредѣленія и способа изложенія изучаемаго матеріала. Такъ, обстоятельное въ цѣломъ изложеніе III главы къ концу ея не обладаетъ надлежащей полнотою и переходитъ по мѣстамъ въ конспективную краткость указателя; съ другой стороны, въ главѣ I читатель встрѣчаетъ не мало подробностей, не представляющихъ интереса съ точки зрѣнія специальной задачи данной работы. Къ числу недостатковъ изложенія нужно отнести то, что авторъ какъ бы иногда забываетъ, что онъ не больше, какъ систематизаторъ мыслей о Павла: встрѣчаются неловкіе выраженія и обороты рѣчи (въ родѣ „неразсуждающаго еще мышленія“ на стр. 23 и т. п.). Но во всякомъ случаѣ обширное произведеніе г. Луневскаго должно быть поставлено значительно выше работы его предшественника, а нѣкоторые отдѣлы (въ особенности глава II, посвященная характеристикѣ противораскольнической полемики о Павла) могутъ быть отмѣчены, какъ заслуживающіе полной похвалы. Въ общемъ, разсматриваемое сочиненіе, свидѣтельствующее объ усердномъ и вдумчивомъ изученіи авторомъ полемическихъ трудовъ покойнаго о. Павла и проникнутое теплою любовью къ названному противораскольническому дѣятелю, по своимъ качествамъ должно быть признано вполне пригодной диссертацией на пекую степень“.

18. Ординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента *Мелиссари Стефана*: „Апологетическій трудъ блаженнаго Θεодорита: *Врачеваніе эллинскихъ недуговъ*, какъ памятникъ греческой древности“:

„Сочиненіе г. Мелиссари состоитъ изъ введенія, раскрывающаго значеніе блаж. Θεодорита въ церковной жизни и литературѣ (стр. I—IV) и трехъ частей изслѣдованія, содержащихъ въ себѣ—I. Біографію блаж. Θεодорита (стр. 1—85);—II. Общій обзоръ „Врачеванія эллинскихъ недуговъ“ (стр. 86—206) и III. Изслѣдованіе „Врачеванія“, какъ памятникъ греческой древности (стр. 207—354).

Названный апологетическій трудъ блаж. Θεодорита уже былъ предметомъ изслѣдованія не только въ иностранной, но и въ нашей русской богословской литературѣ. Разумѣемъ изслѣдованіе проф. П. Н. Цвѣткова въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія* за 1875 г. ч. I, стр.

317—349); архимандрита (нынѣ епископа) Бориса: „Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности“, періодъ II, стр. 367—389. Кіевъ, 1890 г. и магистерское сочиненіе проф. Н. Н. Глубоковскаго о блаж. Θεодоритѣ (т. I и II. Москва, 1890 г.), гдѣ изслѣдованію объ означенномъ трудѣ этого учителя церкви удѣлено значительное число страницъ (т. II, стр. 202—242 мелкаго шрифта). Но досель ни за границей, ни въ Россіи этотъ трудъ не былъ еще изслѣдованъ, „какъ памятникъ греческой древности“, хотя естественно, что въ краткихъ чертахъ, мимоходомъ, и эта сторона принимаема была во вниманіе въ изслѣдованіяхъ о блаж. Θεодоритѣ и его означенномъ трудѣ. Сдѣлавъ своею задачею изслѣдованіе объ этомъ трудѣ, какъ памятникѣ греческой древности, г. Мелиссари, что также естественно, воспользовался всѣмъ чѣмъ можно было воспользоваться для его цѣли въ предшествовавшихъ его труду означенныхъ и другихъ изслѣдованіяхъ, равно какъ, несомнѣнно, пользовался и тѣми крупными русскаго перевода „Врачеванія“ (въ *Христіан. Читаніи* за 1845 и 1846 годы) и мѣсть изъ Платона (въ переводѣ В. Н. Карпова, т. I—VI. СПб. и Москва, 1863—1879) и нѣкоторыхъ другихъ греческихъ классиковъ, которыя существуютъ въ житицѣ русской литературы. Но ему предстояло не только новую постановку дать всему своему изслѣдованію, но и много поработать, совершенно заново, въ видахъ достиженія главной своей цѣли, особенно въ III-ей части труда. Наконецъ, и путь къ достиженію этой цѣли г. Мелиссари избралъ новый. Въмѣсто алфавитнаго порядка древне-греческихъ писателей, который имѣется, напр., въ Зильбургіевомъ изданіи *Ἐλληρικῶν Θεολογικῆς λαθηνάτων* или „Врачеванія“ (1592 года, см. въ началѣ списокъ именъ и въ концѣ index) и которому, для краткости, слѣдовало преосвященный Борисъ въ своемъ помянутомъ сочиненіи (стр. 370—373), г. Мелиссари избралъ хронологическій, болѣе цѣлесообразный и плодотворный въ его именно сочиненіи, на за то и болѣе трудный.

Правда, за множествомъ самой кропотливой работы налѣ выборкою древне-греческихъ языческихъ писателей изъ „Врачеванія“, сличеніемъ, ихъ съ дѣйствительными ихъ произведеніями, до насъ дошедшими, ихъ переводомъ на

русскій языкъ, сообщеніемъ хотя краткихъ свѣдѣній о самихъ писателяхъ и т. д., трудъ Мелиссари остался недоконченнымъ. Онъ завершился лишь обзорніемъ отношенія блаж. Феодорита къ философу Платону. Есть нѣсколько и другихъ пробѣловъ и недостатковъ въ трудѣ г. Мелиссари. Такъ, напр., обзорніе содержанія всѣхъ „словъ“ „Врачеванія“ (ч. II) въ томъ, что у г. Мелиссари переписано на бѣло, также осталось незаконченнымъ (на стр. 206 авторъ оканчиваетъ это обзорніе лишь девятымъ словомъ). Сверхъ того, въ сочиненіи своемъ г. Мелиссари не избѣгъ повтореній, особенно въ выдержкахъ изъ древне-греческихъ писателей (стр. 241, 260, 277, 334 см. съ предшествующимъ), внутренихъ противорѣчій (см. напр. стр. 17 и 20), отдѣльных случаевъ неясности (стр. 8, 9, 29, 284, 287), историческихъ неточностей (напр. стр. 64 и 84) и нѣкоторыхъ иныхъ недостатковъ, а въ отношеніи къ внѣшней сторонѣ выраженія мыслей, какъ грекъ,—ореографическихъ недосмотровъ (стр. 5, 8, 33, 63, 73, 234, и др.), стилистическихъ неровностей (стр. 138, 142, 280, 322 и др.), ненужнаго употребленія иностранныхъ словъ, которыя легко было бы замѣнить русскими (напр. „фактъ“ стр. 42, 170 и 201;—„адресать“—стр. 75; „традиціи“—стр. 84) и иныхъ.

Но кромѣ вышесказаннаго о новости постановки дѣла въ трудѣ Мелиссари, нужно принять во вниманіе еще слѣдующее: 1) закончивъ свой трудъ философомъ Платономъ, Мелиссари сдѣлалъ самое большее, главное и существенное, ибо изъ Платона больше всего и является заимствованій у блаж. Феодорита во „Врачеваніи“ (см. у Мелиссари стр. 285—354), такъ какъ Платонъ пользовался преимущественнымъ уваженіемъ не только среди язычниковъ, но и среди христіанъ; къ тому же ранѣе Платона г. Мелиссари обзорѣлъ всѣхъ предшествовавшихъ его поэтовъ (начиная съ Орфея), историковъ, философовъ и вообще писателей, приводимыхъ или только упоминаемыхъ во „Врачеваніи“, при чемъ какъ изъ поэтовъ, такъ и изъ философовъ разсмотрѣлъ нѣкоторыхъ и позднѣйшихъ Платона (напр. Филемона, Менандра Комика и др. на стран. 256—258;—циническаго философа Діогена—стр. 283; неопиѳагорейца Нуминія—стр. 267), такъ что оставалось ему разсмотрѣть еще лишь немного;—2) тоже, и даже еще болѣе того, должно сказать и касательно

обзора содержания „Врачеванія“. Г. Меллссари представилъ черновое (писанное карандашемъ) обзорѣніе содержания послѣднихъ (10—12) словъ „Врачеванія“, столь же самостоятельно и обстоятельно составленное, какъ и въ переписанномъ на бѣло (обзорѣніе содержания словъ 1—9);—3) заслуживаютъ полнаго одобренія также—ясность и правильность постановки дѣла въ сочиненіи (ср. стр. III введенія);—тщательность обработки предмета при множествѣ и разнообразіи матеріала, въ которыхъ не затерялся авторъ, обыкновенно излагающій только относящееся прямо къ дѣлу;—обширное знакомство съ обильною литературою предмета;—внимательная заботливость, особенно въ отношеніи къ цитатамъ изъ „Врачеванія“ и древнегреческихъ языческихъ писателей, и другія хорошія стороны труда г. Меллссари.

Принимая все это во вниманіе, признаю г. Меллссари вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

19. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Кантерева о сочиненіи студента *Молчанова Павла*: „Спиридонъ Потемкинъ. Историко-литературный очеркъ изъ эпохи возникновенія старообрядческаго раскола“:

„Спиридонъ Потемкинъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ лицъ, возставшихъ противъ книжныхъ и церковныхъ исправленій патр. Никона. Его несомнѣнно нужно признать однимъ изъ первыхъ расколуучителей, которому расколъ много обязанъ своимъ первоначальнымъ возникновеніемъ. Между тѣмъ этотъ крупный дѣятель въ исторіи возникновенія раскола доселѣ остается въ тѣни и его обыкновенно обходятъ наши изслѣдователи раскола, такъ что и самыя его сочиненія доселѣ остаются неизданными и разбросанными по разнымъ старымъ рукописнымъ сборникамъ.

Восполнить существующій въ нашей ученой литературѣ по расколу пробѣлъ—написать изслѣдованіе о Спиридонѣ Потемкинѣ взялся нашъ авторъ. Для выполненія своей задачи авторъ прежде всего постарался собрать всѣ тѣ, впрочемъ — очень скудныя, свѣдѣнія, какія только даются о Спиридонѣ Потемкинѣ и его сочиненіяхъ въ произведеніяхъ первыхъ извѣстныхъ расколуучителей, современниковъ Спиридона, и на основаніи этихъ свѣдѣній, подвергнутыхъ имъ критическому разбору, постарался изложить біографію

Спиридона, охарактеризовать его личность и дѣятельность. Затѣмъ авторъ даетъ обстоятельное изслѣдованіе о сочиненіяхъ Спиридона Потемкина. Ему пришлось выписать изъ различныхъ книгохранилищъ все тѣ рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчаются сочиненія Спиридона, установить ихъ количество, принадлежность именно Спиридону, время и обстоятельства ихъ написанія и только послѣ этой работы авторъ переходитъ къ изложенію сужденій Спиридона о книжныхъ церковныхъ исправленіяхъ Никона, къ подробному изложенію ученія Спиридона объ отступленіяхъ и антихристѣ. Въ заключеніе авторъ говоритъ о томъ значеніи, какое имѣли для раскола сочиненія Спиридона, при чемъ находитъ, что это значеніе было и очень обширно, такъ какъ его сочиненіями, часто въ буквальныхъ выпискахъ, пользовались послѣдующіе раскольничьи писатели, и въ то же время очень опредѣленно, такъ какъ они содѣйствовали выработкѣ нѣкоторыхъ раскольничьихъ ученій, какъ, напр., ученія объ антихристѣ.

Сочиненіе автора, совершенно оригинальное по содержанію, какъ составленное на основаніи рукописныхъ неизданныхъ сборниковъ, представляетъ изъ себя серьезную научную обработку матеріала, написано языкомъ точнымъ и сжатымъ и для полученія степени кандидата богословія можетъ быть признано вполне достаточнымъ."

20. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Некрасова Ивана*: „Долгъ и права православнаго пастыря въ дѣлѣ народнаго образованія“:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія и двухъ частей, подраздѣленныхъ на десять главъ.

Предисловіе выясняетъ планъ предполагаемаго изслѣдованія. Обращая вниманіе на три основныя понятія темы: *долгъ, права, народное образованіе*, авторъ полагаетъ, что понятіе долга православнаго пастыря можетъ быть раскрыто только на основаніи Св. Писанія, равно какъ—понятіе права православнаго пастыря—на основаніи каноническихъ опредѣленій Православной Церкви. Далѣе, разсматривая понятіе—*народное образованіе*, необходимо, по автору, раскрыть отношеніе *школьнаго* преподаванія къ пастырскому долгу, какъ одинъ изъ видовъ его осуществленія въ дѣлѣ христіанскаго образованія чадъ Церкви вообще и—великое значеніе рели-